

18 сентября 1974 г. ● № 261 (20500)

ХУДОЖНИК
И ВРЕМЯ

С МЕЧТОЙ НЕ РАССТАВАЯСЬ

В Париже, в Музее современной живописи, есть зал Иккассо. Попав туда, идешь от одной картины к другой и замечаешь, как неутомим художник в своих творческих исканиях. Кажется, что вот это — уже совершенство, предел... Но на очередных полотнах мастер вновь пробует новые приемы и средства. Другой стиль, другие рубрики — поиск продолжается... Беспокойство это свойство постоянного неуспокоения художника, его способность «конкурировать» с самим собой. Именно эти качества и отличают, например, человека, в совершенстве владеющего своим ремеслом. Очень люблю это старое русское слово — обидно, что в него незаслуженно вкладывают отрицательный смысл. Не стоит путать его с ремесленничеством — нежеланием сбавлять темп холодного профессионализма, а то и просто латури.

Знать свое ремесло — в сущности означает уметь в совершенстве делать нечто такое, что другой сотворить не сможет, чем и отличается твоя индивидуальность... Каждый художник должен стремиться к этому. На сцене актер творит образ живого человека, воплощает — иногда имея в распоряжении лишь несколько фраз — его судьбу. Сфальшивить, обнаруживая скудость ресурсов собственной души, свою «холодность» — в нашем деле значит потерпеть творческое поражение.

Театр живет в рождающейся сию минуту удивительной по эмоциональной силе связи между певой и залом, актером и зрителем. Художники, причастные к сплоченному искусству, никогда не могут рассчитывать на то, что признание придет к ним позже. Вместе с каждым спектаклем каждый раз безвозвратно уходит живой, постоянно преображающийся образ постановки. Эта сиюминутность театра требует от артиста, от режиссера вечно свежего, молодого ощущения и восприятия сегодняшней жизни. Завоевать же сердца тех, кто живет рядом, может лишь художник, особенно остро чувствующий свою связь с землей, его породившей, с ее людьми, их радостями и болями.

Какая великая мера ответственности... И как непросто часто она оказывается для нас слишком высокой. Случается, автор берет важную тему, оперирует дорогами для всех понятийми, искренне верит в значимость своих творческих намерений, а зритель тем не менее остается равнодушным. Искренность в искусстве, как известно, — всепрямое условие творчества, но сама по себе она ничего не обеспечивает. Поэзия, говорил Великий, поучительна и полезна, но для этого она должна быть сначала поэзией. Так и в театре: нужен свой, собственный мир оригинальных образов и ассоциаций, нужно глубокое чувство времени, безупречное умение перенести на язык искусства самые сложные жизненные понятия.

Немало опасностей подстерегает человека, вступающего на стезю актерской профессии. Ох, как нелегко бывает ино-

гда уберечься от «тиражирования», повторения в равных обстоятельствах самого себя! Примики твою индивидуальность кинорежиссеры порой эксплуатируют ее как одну из «красок» своего фильма, и ты, подчас сам того не замечая, превращаешься в штампы, в артиста «на потребу»...

Особенно сложны эти проблемы для тех, кто начинает свой путь. Для педагога, берущегося за воспитание актеров, одинаково опасно привить молодым и профессиональные навыки, и негасимую жажду познания мира, мучительное чувство святого недоверия к самим собой. Без этого нельзя стать в искусстве личностью со своей жизненной темой, собственными нравственными критериями.

В прекрасную пору ученичества переживаешь трепетное удивление перед испытаниями своей профессии, ее возможностью. В начале пути человек, как правило, ставит перед собой большие задачи, веруя, что именно ему по плечу яркие свершения. Театру вечно необходимы ученики, как необходимы дети каждой семье. Станиславский писал, что после «отмытых застоев» в специфическом искусстве обязательно наступает момент, когда «природа выбрасывает целую трупину, а к ней впридачу и писателя, и режиссера, и все они вместе создают чудо, эпоху театра». Так случилось, например, когда в МХАТ пришли молодые актеры его второй студии — в Художественный индустриальный труппы талантливыми спектаклями «Горячее сердце», «Дня Турбинных», «Жизнь Фигаро»...

Время неутомимо. Кажется, только вчера был самым молодым в театральной семье «Современник». И вот совсем скоро нашему коллективу исполнится двадцать лет. Возраст ответственный и даже опасный: известны авторитетные высказывания о том, что век театра взмывается творческой жизнью одного только поколения. «Ветераны» ведающе юного «Современника» уже начинают возлагать надежды на свою смену.

Очень хочется, чтобы те, кто сегодня является в наш коллектив, органично восприняв традиции «Современника», самый дух творческого единения и вместе с тем привнесли свое, личное понимание актуальных проблем жизни. Я говорю лишь о столичном «Современнике», потому что работаю здесь, но думаю, что проблема воспитания творческой смены, а значит потребность поиска, эксперимента, если хотите, риска в одинаковой мере стоит перед каждой труппой и перед всей нашей огромной многоязыкой театральной державой. Если сцена — кафедра, своего рода университет человеческой жизни, то какими же высокими критериями мы — те, кому дано право выходить на сцену, — обязаны выверять свою собственную жизнь, как чутко должны следить за каждым ростком будущего...

Повышенный интерес к этической проблематике, осмысление человеческой судьбы в ее многомерных связях с социальным действитель-

ностью, с нашим временем — важные черты современного театрального процесса. Благородная задача советского театра — способствовать совершенствованию нравственности, накоплению духовных ценностей общества, строящего коммунизм. На мой взгляд, сегодня, когда материальные условия жизни народа неистово улучшаются, этот аспект творческой деятельности становится все более важным.

Герой нашего времени — это сложная личность с богатым духовным миром, с развитым нравственным чувством. Здесь мне хочется вспомнить о пьесах Александра Вампилова, одного из талантливых представителей молодой драматургии, своеобразного художника, так трагически рано ушедшего из жизни.

Герои вампиловских произведений — Колесов из «Прощания в яву», Шамалов из пьесы «Прошлым летом в Чулымске» — привлекают своим стремлением встать выше житейских обстоятельств, жаждой бороться за право человека активно, творчески влиять на все происходящее вокруг него события.

О необходимости для человека требовательно, строго относиться ко всем своим делам и поступкам, жить, что называется, по совести, стремились мы сказать в спектакле «Восхождение на Фудзими» по пьесе Ч. Айтматова и К. Мухамеджанова. Не секрет: отношение к этой постановке со стороны зрителей и профессиональной критики далеко не однозначно, но для нас очень важен тот факт, что она никого не оставляет равнодушным, наталкивает на размышления о важных вопросах жизни. Повествуя о судьбах героев пьесы, драматурги вызывают к чувству правды, ко всему лучшему в нашей советской действительности, заставляют каждого из нас беспристрастным взглядом посмотреть на самого себя... Этой идеей, как мне кажется, глубоко проникся наш коллектив.

Высокого гражданского звучания нравственной темы нам хотелось бы добиться в каждом своем спектакле. На этом пути мы ведем поиски, порой ошибаемся и знаем восторжничать.

Скоро наш народ будет отмечать великий праздник — тридцатилетие победы над фашистской Германией. Этому событию театр собирается посвятить трилогию, куда войдут новал пьесы М. Рокина, рассказывающая о подвиге ваших матерей, драматическое произведение К. Симонова «Из записок Лопатина» и «Вечно живые» В. Розова, пьеса, с которой когда-то начался «Современник».

Сейчас, как и в пору зарождения нашего театра, мы мечтаем... Мечтаем создать такой спектакль, который приобщал бы зрителя к трепетам и заботам века, чтобы по его окончании и актер, и зритель могли сказать: трагедия народа, его праздник — все это было лично со мной. Рождение чувства сопричастности — вот что, на мой взгляд, особенно дорого и ценно в искусстве.

Олег ТАБАКОВ.